

Или, возможно, такая особенность изложения в поздних работах Е. А. Ручьевской просто связана с тем, что именно в 1990-х — 2000-х годах она расширила диапазон своей деятельности, обратившись к просветительству (радиопередача о ее учителе, Ю. В. Кочурове, выступления в консерватории на музыкальных собраниях, посвященных памяти ушедших) и к воспоминаниям. В двухтомнике «Работы разных лет» Екатерина Александровна предстает неординарным мемуаристом: воспоминания о блокаде Ленинграда, заметки об учителях и коллегах по работе: С. Н. Богоявленском, Ю. В. Кочурове, Е. М. Орловой, А. Г. Шнитке.

Публикация «Работ разных лет» Е. А. Ручьевской — заметное событие в мире музыкальной науки. Оно стало возможным благодаря подвижническому труду ее коллег по кафедре теории и истории музыкальных жанров Санкт-Петербургской консерватории (в большинстве своем — учеников Екатерины Александровны).

Юрий Васильев

Vassilis Tsabropoulos. Melos.

ЕСМ 2048-1757980. 2008.

«В России в 1913 году, сначала в Москве, а позднее в Санкт-Петербурге, появился загадочный человек — Георгий Иванович Гурджиев...»¹.

Этими словами открывается книга *Our life with Mr Gurdjieff*² (в русском переводе вульгарно-претенциозно озаглавленная «Книга о господине Гурджиеве») Фомы Александровича Гартмана, или, как он «латинизированно» себя называл — Томаса де Гартмана. Казалось бы, какое нам дело до жизни шарлатана и «духовного учителя» (пользовавшегося изощренными эмоционально-садистскими методами набора и обработки прозелитов), каких развелось целое множество в эпоху перемен — духовного разброда начала XX века? А между тем именно с его появления в России начинается наше музыкальное путешествие. Дело в том, что бывший царский офицер, написавший эту книгу, Фома Гартман (1886–1956) был еще и композитором, выпускником Санкт-Петербургской консер-

¹ *Томас де Гартман*. Книга о господине Гурджиеве. СПб., 2003. С. 7.

² *Thomas de Hartmann*. *Our life with Mr. Gurdjieff*. New York. Cooper Square Publications. INC, 1964.

ватории — не путать с немецким композитором Карлом Амадеусом Хартманном (1905–1963). А Георгий Гурджиев (1877–1949), сам того не зная, — фольклористом-любителем (и, быть может, это было самое полезное из его занятий)... Но начнем по порядку.

В стародавние времена в большом армянском городе Александрополе родился мальчик Георгий. Он был ребенком талантливым и честолюбивым. По достижении совершеннолетия Георгий отправляется в путешествие, посещает Афганистан, Монголию, Тибет, Индию, бывшую территорию Ассирии, Палестину, Эфиопию, Судан, Египет, Турцию, Крит, Грецию, Италию, Германию, Англию и Францию. Во время странствий он изучал религиозные ритуалы и духовные практики, но также, будучи музыкально одаренным, впитывал всю звучащую вокруг народную музыку — такую яркую и характерную. Вернувшись домой, он почувствовал, что духовно созрел, и, применив свои организаторские таланты, основал собственное учение — смесь из элементов разных религий. Мистические учения были популярны в XX веке, и увлечение ими не обошло стороной и музыкантов: Скрябин и его последователи Вышнеградский и Обухов творят под действием своих эклектичных религиозных концепций, и даже тихий композитор Гречанинов в 1936 году пишет «Экуменическую мессу».

Итак, в 1913 году в Петербурге появляется этот необычный человек, с которым — уже в 1917-м — знакомится молодой композитор Фома Александрович Гартман, автор тепло принятого царем и публикой балета «Аленький цветочек» (поставленного при участии Фокина и Нижинского), потомок философа Эдуарда фон Гартмана, искатель новых и необычных звучаний, в общем, один из тех, кто должен был сбросить прошлое с корабля современности, призвав к жизни скрытые стремленья (утонувшие в темных глубинах Духа творящего). Только-только умер Скрябин, еще что-то дописывал Дебюсси, молодой Николай Обухов уже изобрел свою двенадцатитоновую «абсолютную гармонию» и новую нотацию и по весне уехал отдыхать в Крым (не зная, что в Петербург уже не вернется никогда), еще появлялся в Петербурге молодой Иван Вышнеградский, пишущий свою мистерию «День Браммы» (потом переименованную в «День Бытия») и трактаты типа «О сущности сверхискусства», также, как и Гартман, царскосел (казармы Гартмана находились в Царском Селе; у Вышнеградских был там дом), уже оттремели «Формы в воздухе» Лурье, первые опусы пишет Фейнберг, недавно умер Станчинский, — вот какое это было время.

После двух революций, скитаний и многочисленных путешествий группа почитателей Гурджиева, в числе которых был и Фома Александрович с супругой Ольгой Аркадьевной, вместе со своим вождем осела во Франции, где Гурджиев на жертвования этих самых почитателей

покупает замок и основывает Институт гармоничного развития человека (1922). Вот тогда-то и понадобились — для «духовной гимнастики» (нечто вроде «ритмопластики» Жака Далькроза) — знания и умения Гартмана-композитора и мелодии, запомнившиеся Гурджиеву в поездке по Востоку. Одним пальцем мэтр наигрывал на фортепиано или напевал (часто варьируя в повторах, чем значительно осложнял Гартману работу) мелодию, а Фома должен был ее записать и подобрать или использовать сопровождение или гармонию. Эти «расшифровки» были впоследствии изданы в четырех томах издательством «Шотт».

Надо сказать, что подход Гартмана к записи мелодий был достаточно прогрессивным — он не всегда точно выписывает ритм, оставляя как бы алеаторические квадраты для органных пунктов ритмической фигурации (подобно Римскому-Корсакову в «Шехеразаде»), не заполняет гармонию до правильного количества удвоений, а одну из пьес (№ 11, первая тетрадь) записывает и вовсе полиметрически: мелодия не содержит тактовых черт, а аккомпанемент изложен в переменном размере $\frac{6}{8} | \frac{3}{4}$.

Нехитрые пьески, написанные для фортепиано, иногда с сопровождением бубна (или какого-либо другого ударного инструмента без определенной высоты звука), сохраняют все очарование народных произведений. Здесь целая панорама народностей от Индии до Армении, от Египта до Греции. Хотя, конечно, мы не можем доверять точности записи и подлинности мелодий, записанных Гартманом с подачи Гурджиева.

Вообще, Гартман кажется совершенной *figura incognita* в нашей стране, а между тем именно Гартман был ближайшим сподвижником Василия Кандинского, создал музыку к его сценической композиции «Желтый звук» (1913; сохранилась только фрагментарно) и написал статью для альманаха Кандинского «Синий всадник», для которого писали Сабанеев и Шёнберг. Статья Гартмана имела звучное название «Об анархии в музыке», и в ней композитор излагал свои взгляды на понимание свободы творчества: «... Итак, в искусстве должно приветствовать принцип анархии. Только этот принцип может привести нас к сияющему будущему, к возрождению»³. К сожалению, я не нашел сведений о том, были ли какие-либо из многочисленных произведений Гартмана (а список его сочинений охватывает внушительное количество жанров, включая и балеты, и симфоническую, и вокальную, и фортепианную музыку⁴) выпущен-

³ Гартман Ф. Об анархии в музыке // Синий всадник / Под редакцией В. Кандинского и Ф. Марка. Перевод, комментарии и статьи З. С. Пышновской. М., 1996.

⁴ Подробнее со списком его сочинений можно ознакомиться на сайте архива Йельского университета: URL: <http://webtext.library.yale.edu/xml2html/Music/ht-d.htm> (дата обращения: 11.11.2010).

ны на CD. Также я не нашел упоминаний и об исполнении оригинальных сочинений Гартмана в России. А сам Гартман почти повторил судьбу героев булгаковского «Бега» — он уехал из Петербурга вслед за белой армией на юг России, где переболел тифом, а затем, после остановок в Константинополе и Берлине, перебрался в Париж.

Музыка Гурджиева — Гартмана неоднократно записывалась — существуют как аутентичные «строгие» записи пьес в исполнении Сесила Литла и Алена Кремски⁵ (Cecil Lytle, Alain Kremski), так и записи исполнения самого Гартмана. Один диск (тоже «строгий») с музыкой Гурджиева — Гартмана записал выдающийся джазовый пианист Кейт Джаррет (духовный поиск приводил многих джазовых музыкантов к различным религиозно-философским учениям, так, «Чик» Кория стал сайентологом, Джон Колтрейн изучал чуть ли не все основные религии, включая и буддизм, и индуизм, а вот Кейт Джаррет стал последователем Гурджиева и его «четвертого пути»). И вот, наконец, диски, в том числе с вольными интерпретациями пьес Гурджиева — Гартмана записал греческий пианист Василис Цабропулос. И один из этих дисков является объектом нашей рецензии.

Василис Цабропулос — пианист и композитор, родился в 1966 году в Афинах. Музыкакой он начал заниматься с самого раннего детства. Закончил Афинскую консерваторию, после чего совершенствовал свое мастерство в консерватории Парижа, Зальцбургской академии и Джульярдской школе, где брал уроки у Рудольфа Серкина и Татьяны Николаевой. Он часто выступает с сольными концертами, играет музыку XIX–XX веков, но также нередко выступает в камерных ансамблях и исполняет сольные партии в концертных произведениях. Цабропулос сотрудничал с такими коллективами, как Оркестр Чешской филармонии, Симфонический оркестр Юты, Будапештский камерный оркестр, Филармония Софии и Оркестр радио Италии. Он ведет активную деятельность и как джазовый пианист. Цабропулос — также автор оркестровой музыки, струнных квартетов, фортепианных сочинений.

С начала 1990-х годов пианист выпустил более десяти компакт-дисков различной стилистической направленности: диски и с академической музыкой (Шопен, Мусоргский), и с современной академической музыкой — чудесный вокальный цикл *The Face Of Love* (1995–1999) греческого композито-

⁵ Композитор, пианист и перкуссионист Кремски в 1992 г. даже приезжал в Петербург с концертом, в программе которого были также и пьесы Гурджиева — Гартмана.

ра Каллиопы Цупаки⁶, записанный с певицей Неной Венетсану⁷), и достаточно стандартный, вписывающийся в мейнстрим, джаз в традиции Билла Эванса — диск Images, а также диски, где он играет в трио с известным норвежским контрабасистом Арилдом Андерсеном⁸ и английским ударником Джоном Маршаллом⁹: Achirana, Triangle. Но самые интересные диски Цабропулоса — с записями музыки этноджазового¹⁰ направления: Akroasis — 2002, Chants, Hymns and Dances — 2003, Melos — 2008, Promise — 2009. Двум дискам пианист дает греческие названия, возможно, связывая себя с европейскими композиторами греческого происхождения, у которых одним из главных выражений национального начала было обращение к греческой тематике (Яннис Ксенакис, Яни Христу).

На дисках, которые мы отнесли к этноджазовому направлению, основу составляют мелодии Гурджиева — Гартмана и оригинальные пьесы Цабропулоса, созданные по образу первых. Таковы, например, удивительные *Trois morceaux après des hymnes byzantins* (Три пьесы по византийским гимнам), записанные на диске Chants, Hymns and Dances (Песнопения, гимны и танцы) и основанные на греческом православном литургическом пении. Эта музыка очень похожа на «православные» фортепианные пьесы Джона Тавенера (например, Уракое), с тем отличием, что музыка Цабропулоса еще более доступна и... более пронзительна.

Диск Chants, Hymns and Dances пианист записал в 2003 году в сотрудничестве с немецкой виолончелисткой Аньей Лехнер¹¹. Этот, несомненно

⁶ Calliope Tsoupanaki (р.1963). Обучалась в Афинской консерватории, продолжила обучение в Королевской консерватории Гааги под руководством Луи Андриссена, которую окончила в 1992 г. Автор более 70 произведений, в числе которых оркестровые и вокальные сочинения, две камерные оперы. Подробнее: URL: <http://www.calliopetsoupanaki.com> (дата обращения: 11.11.2010).

⁷ Nena Venetsanou (р.1955). Родилась в Афинах, впоследствии жила во Франции, где изучала историю искусств в Безансоне и брала уроки пения. По возвращении в Грецию начала активно выступать, исполняла преимущественно греческих композиторов — Х. Леонтиса, М. Теодоракиса.

⁸ Arild Andersen, (р.1945). Начал свою карьеру в квартете Яна Гарбарекка (1967–1973). Впоследствии сотрудничал со многими известными джазовыми музыкантами, среди которых Сонни Роллинс, «Чик» Кория, Томаш Станько.

⁹ John Stanley Marshall (р.1941). Первые шаги на большой эстраде делал с джаз-рок группой Nucleus, затем был членом многих джазовых коллективов, среди которых Jack Bruce Group, Soft Machine, Eberhard Weber's Colours.

¹⁰ С большими оговорками, так как собственно элементы джазовой гармонии присутствуют только в альбоме Melos, от джаза остается лишь импровизационность, основанная на варьировании мелодических рисунков, на повторе определенной гармонической последовательности.

¹¹ Anja Lechner (р.1961, Кассель). Была ученицей Г. Шиффа. Основала квартет Rosamunde, с которым исполняла музыку различных эпох. Первая исполнительница ряда произведений Т. Мансуряна и Г. Бьяласа. Сотрудничает со многими академическими

удачный, диск, большей частью с медленными пьесами восточного колорита, имел колоссальный успех в узких кругах, вызвал восторженные отклики прессы и принес весьма и весьма неплохой доход.

При этом, вероятно, главной находкой Цабропулоса был способ обращения с пьесами Гурджиева — Гартмана: пьеса проигрывалась целиком (в переложении для виолончели и рояля), а затем следовал квазиимпровизационный раздел (не имея нот, по одному варианту каждого произведения мы не можем судить о характере исполнительской свободы пианиста на этом диске), основанный на материале первой части (часто базирующийся на повторении какой-либо фактурно-гармонической фигуры в басу, или ряда гармоний), после которого иногда шел третий, репризный раздел, приближающий форму к сложной трехчастной. При этом безупречное и проникновенное исполнение добавляло образности и убедительности пьесам.

Пианист захотел, чтобы новый диск, *Melos*, превзошел успехом *Chants, Hymns and Dances*, для чего к дуэту виолончели и рояля в нескольких пьесах была добавлена перкуссия (итальянский музыкант У.Т. Ганди¹²). Как и на *Chants, Hymns and Dances*, на этом диске представлены пьесы как Гурджиева, так и Цабропулоса.

Диск *Melos* получился более разнообразным по содержанию, нежели *Chants, Hymns and Dances*. Характерная, в бартоковском духе пьеса Цабропулоса *Reflections* (Отражения), афористичная и сыгранная дважды, вначале с ударными, а потом без них, но с варьированными финальными кадансами, *Tibetan Dance* Гурджиева; более джазовая, иронично-меланхоличная *Promenade* (Прогулка), снова Цабропулоса, с рельефными «бульканьями» аккомпанирующей табы или вдохновенная *Gift of Dreams* (Дары грез) вносят и стилевое разнообразие. Общее для большинства пьес — лады с увеличенной секундой и остинатность (но ненавязчивая) или репетитивность. В чем они заключаются? Например, в повторении и неспешном варьировании или смене у фортепиано какого-либо паттерна (например, арпеджированного аккорда, как в заглавной пьесе *Melos*). Или в перегармонизации фактурной ячейки (*Tibetan Dance, Gift of Dreams*), перегармонизации, часто звучащей почти по-свиридовски проникновенно.

и джазовыми музыкантами бывшего советского пространства, включая В. Сильвестрова, А. Любимова, А. Шилклопера.

¹² У.Т. Ганди (р. 1960) — музыкант-самоучка, с 1978 г. выступает с разнообразными джаз-, этник- и уорлд-мюзик коллективами. Сотрудничал с Д. Завинулом, М. Витусом, Д. Салуцци. Дает мастер-классы.

Тихой кульминацией диска явилась предпоследняя пьеса Evocations (Воспоминания, Воскрешения), музыка по-своему хрупкая и сдержанно-отчаянная.

Все сыграно очень ровно и аккуратно, и ансамбль слаженный. Отдельно хочется сказать о партии ударных инструментов. Ганди часто весьма тонко добавляет удары, как мазки, на уже готовый холст фортепианно-виолончельного звучания, одним-двумя звуками, расцвечивает ткань, добавляя ей объемность. Но при этом в большинстве пьес у него остается и вполне традиционная роль ритмической пульсации с ее неизменными ударами по тарелкам.

В итоге — перед нами аудиодорожка, основанная на народной мелодии, веками выкристаллизовавшейся, которую:

- услышал, запомнил и исполнил Гурджиев (со своими вариациями),
- обработал Гартман,
- вновь обработал Цабропулос (отталкиваясь от обработки Гартмана),
- сыграло интернациональное трио, состоящее из греческого пианиста, немецкой виолончелистки и итальянского перкуссиониста.

Получая на выходе такой — не продукт — результат, начинаешь видеть и в глобализации положительные черты.

Но все-таки бесконечно паразитировать на успехе одного диска невозможно, поэтому, к сожалению, последний диск Цабропулоса — Promise (Завет), не только ничего существенно нового не приобретает, но и теряет хрупкую красоту старого. Он составлен целиком из пьес Цабропулоса (одна из них, Promenade, уже была записана на диске Melos в версии для трио), со старыми приемами, например, повторами отдельных пьес в конце альбома (как это было на диске Chants, Hymns and Dances), или в середине (как на диске Melos). И хотя наползают грустные мысли о том, что все сущее тщетно и что в погоне за успехом все средства хороши, мы им не поддадимся и, вспомнив победы — безусловные победы Akroasis, Chants, Hymns and Dances, Melos, — забудем поражения.

Вениамин Смотров